

УДК – 34.009

Самир Мамедов
НАНА Институт Философии и Права, д.ф.ист.

ЧАША В СИМВОЛИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В статье на основе исторических фактов, археологических материалов и эпиграфических данных исследуется чаша тюркской государственной символики и атрибутов. Автор предполагает, что найденные в древне тюркской мавзолее различные предметы так в отдельности, так и в целом несут символическое значение. Так, чаша является символом святости, мудрости, власти, однако прежде всего, является символом мудрого и знающего человека, выбранного великим Танры.

История тюркской государственности уходит своими корнями вглубь тысячелетий. Тюрки создавали свои государства ещё в глубокой древности, эти государства отличались своеобразием государственного устройства и разработанностью государственного механизма. Особенно выделялась военная сфера, как основа государства, поскольку государства эти были военно-феодальными. Была создана и своя атрибутика и символика, как материальное воплощение существовавших в то время представлений об окружающем мире, созданным великим Танры.

Изучение истории азербайджанской тюркской государственной символики и атрибутов государственной власти и права, уходящей к древним шумерам, маннейцам, скифам и хуннам даёт возможность раскрыть значение некоторых символов государственности и права и, в частности, значение символизма чаши.

Так, у древних хуннов существовал ритуал заключения международных договоров, в котором обязательными были несколько составных элементов, важнейшим из которых являлась чаша. В 47 г. до н.э. между государством Хунну и империей Хань (Китаем) был заключен международный договор, сопровождавшийся специальным ритуалом, который как видно из китайского источника, состоял в следующем: «Чан, Мын (представители китайской стороны – С.М.), Шаньюй (Хуннский Танрыкут – глава государства – С.М.) и его старейшины взойшли на Хуннускую гору по восточную сторону реки Но-Шуй и закололи белую лошадь. Шаньюй взял дорожный меч, и конец его омочил в вино; это клятвенное вино пили из головного черепа Юечжыского государя, убитого Лаошан Шаньюем» [9, к. 1, с.92]. Подобные ритуалы при заключении договоров существовали и у скифов. Геродот следующим образом описывает у них аналогичный обряд заключения договора: «Клятвенные договоры с кем бы то ни было Скифы совершают так: в большую глиняную чашу наливают вина и примешивают к нему кровь договаривающихся, сделав укол шилом или небольшой надрез ножом на теле, затем погружают в чашу меч, стрелы, секиру и дротик. По совершении этого обряда они долго молятся, а затем пьют смесь как сами договаривающиеся, так и достойнейшие из присутствующих» [12, с.29-30].

При заключении вышеуказанного договора фигурирует чаша, сделанная из черепа Юечжыского правителя, из которого пили т.н. «клятвенное вино». Показательно, что вино или иную жидкость, пили не из простого или, скажем, какого-то драгоценного сосуда, а именно из черепа злейшего врага хуннов, убитого хуннским каганом Лаошаном после долгой и кровопролитной борьбы. Тем самым демонстрировалась военная мощь государственности хуннов, способных побеждать в войнах и строго наказывать своих врагов. Кроме того, символизм использования чаши заключался ещё и в том, что хунны стремились показать, какая участь может ожидать тех, кто не будет соблюдать условий заключенного договора. Из-

готовление из головы убитых злейших врагов чаши для питья, является также древним военным обычаем, известный ещё со времен скифов, описанный Геродотом [12, с.28]. Показанные Геродотом скифские военные обычаи пролития крови и отрезания головы находят некоторые созвучные элементы и в эпосе «Китаби - Деде Коркут» [4, с.54]. Кроме того, указанный скифский обычай созвучен с хуннским военным обычаем, засвидетельствованным в китайских источниках (Шизы, Цяньханьшу): «Кто в сражении отрубил голову неприятелю, тот получает в награду кубок вина, и ему же предоставляется все полученное в добычу...» [9, к. 1, с.50].

Подобная практика изготовления чаши из головы сильного врага была, по-видимому, довольно распространенным военным обычаем. Известно, что русский князь Святослав был убит на днепровских порогах печенегами и печенежский князь изготовил из головы Святослава чашу для пиров. Русский исследователь Э.А.Грантовский, со ссылкой на А.С.Лаппо-Данилевского показывает, что, выпивание крови, отрезание головы убитого врага и изготовление из его черепа чаши, было распространено не только у скифов, но и у многих европейских народов, в том числе и у латышей, литовцев, немцев, галлов и др. [13, с.72]. В чем смысл этого обряда? На наш взгляд, этот распространенный с глубокой древности обычай отрезания головы побежденного врага символизировал собой не только итог победы над врагом, но и играл огромное моральное значение, особенно во время боя, если к тому же погибший воин являлся военачальником или багатуром (богатырём). Голова – это символ жизни, поэтому её физическое отделение от тела являет собой не только физическую смерть, но и смерть во всех её отношениях, в том числе и символическом. Не случайно, у азербайджанцев и русских в разных формах существует пожелание: «başın sağ olsun», т.е. «Да будет цела твоя голова», в которую облакается выражение не только физического здравствования, но и общего благополучия, удачи и успеха.

Вернемся к заключению договоров у хуннов. Следует отметить, что подтверждение заключенного договора каким-либо символическим образом в правовой практике человечества наблюдалось ещё с древнейших времен у самых разных народов. В истории права такой феномен называется формализмом права, когда оно тесно связано с религией, обрядностью и символикой, а также с традициями и условностями старых обычаев.

Необходимо отметить, что использование символизма у многих народов древности, вообще было развито именно на государственном уровне. Языком символов пользовались и при ведении войн и при заключении мира и можно сказать, что в целом, символика сопровождала правовые обычаи древних народов.

Чаша, как предмет, имеющий конкретное ритуально-государственное значение был известен ещё за несколько тысяч лет назад до нашей эры в самых различных цивилизациях. Полагаем, что именно ритуального характера чаши обнаружены в самых различных уголках мира: базальтовые чаши галусского периода из Бир Абу-Матар (Палестина, II половина IV тысячелетия), черно-красная керамика, принесенная прищельцами из Закавказья из Хирбет-Керака (Палестина, II половина III тысячелетия до н.э.), из Тепе-Гисара (Юго-Восточный Иран, около 3000 г. до н.э.) и другие [10, с. 119, 159, 321, 322, 325, и др.].

По-видимому, символика чаши была связана и с победой над покоренными народами, победоносные цари держали её в руках, когда покоренные изъявляли свою покорность. На черном обелиске ассирийского царя Салманасара III (859-824 гг. до н.э.) изображена сцена выражения покорности ассирийскому царю израильского царя Охозии (по другим данным Ииуя). Ассирийский царь при этом держит в руках чашу, которая на наш взгляд, символизирует победу ассирийской военной мощи и государственности, здесь чаша - символ победы, власти и государственности [21, с. 64-65].

О религиозно-культовом характере чаши в контексте её как символа государственности и атрибута государственной власти свидетельствует и факт отражения её в Библии. Так, пророк Иосиф, будучи государственным чиновником очень высокого ранга в Древнем Египте,

имел серебряную «гадательную» чашу, которая была затем подложена его братьям [8, Быт., гл. 44, ст. 2-5]. Кстати, гадание было широко распространено в Древнем Мире, гадали не только по жидкости, налитой в чашу, но и по внутренностям животных, по полету птиц, гадали также растолковывая значение снов. Тот же пророк Иосиф был наделен даром растолковывать сны. В чаше же, гадание происходило по-разному. Так, в древней Месопотамии предсказатель-бару наливал масло в чашу с водой, держа её на коленях, это делалось для того, чтобы угадать волю божества в отношении государства или частного лица. Перемещение масляной пленки относительно поверхности воды или кромки чаши могло предсказать царю мир, процветание, войну или восстание; частному лицу это могло предвещать прибавление семейства, процветание или наоборот [10, с.168]. Хунны также придавали большое значение гаданиям, которые осуществлялись служителями тюркского религиозного культа – гамами, которые занимали видное место в системе государственного управления. В китайском источнике сообщается, что хунны: «предпринимают дела, смотря по положению звезд и луны. К полнолунию идут на войну, при ущербе луны отступают» [9, к. 1, с. 50]. Упоминание о чаше имеется и в аятах Корана: «И будут обходить их с сосудами из серебра и кубками хрусталя – хрусталя серебряного, который размеряли они мерой. Будут поить там чашей...» 76:15-17 [16, с. 371].

Чаша как символ государственного или общеплеменного характера фигурирует и в археологическом материале древнетюркских погребений. Чаша, при этом как правило, серебряная, в других случаях золотая или отделанная золотом, однако, имеются также чаши глиняные, керамические, иногда деревянные. Встречаются чаши, на которых выгравирована надпись, указывающая её принадлежность. Конечно же, речь не идет о бытовой посуде, среди которых есть, кстати, и чаша и которые в большом количестве встречаются среди древних захоронений различного типа. Мы говорим о чаше, которая как нам представляется, являлась атрибутом государственной власти, и которая также может указать место усопшего в социальной и государственной иерархии того или иного тюркского государства. В скифских курганах причерноморских степей также обнаруживаются чаши: курганы Чертомлыка и Солохи, Чмыревой могилы и Огуза, Керченского и Таманского полуостровов, нижнего Подонья и Прикубанья, кургана Куль-Оба близ Керчи, и в Херсонских курганах. Устойчивое повторение в курганах и других погребениях такого предмета как чаша, как правило, серебряной на широком пространстве от Причерноморья и до монгольских степей не может не свидетельствовать о том, что речь идет об одном и том же атрибуте, имеющего конкретное символическое значение. Да и остальные предметы, такие как стрелы, мечи и другие виды оружия и вооружения, как думается, не просто так были положены в могилу, а являлись символами государственного, религиозного характера, а также посредством их обозначался социальный статус и положение в иерархии государственного (или племенного) управления захороненного человека. Исходя из этой посылки, нам представляется, что обнаруженные в результате археологических раскопок предметы оружия и утвари, одежды и украшений в древнетюркских захоронениях следует рассматривать в их совокупности, в символическом понимании, как атрибуты государственной власти и права. Так, отделанная золотом деревянная чаша, с изображениями рыбы, обнаруженная в погребении знатного скифа, а также бронзовая чаша на массивном поддоне, железный меч и миниатюрная серебряная чаша другие предметы, обнаруженные в другом скифском кургане у с. Архангельская слобода в Приднестровье дают основание полагать именно о символическом назначении этих и других предметов в их определённом сочетании, совокупности [19, с.147]. В раскопанном поселении Гырлартепе у села Гырлар Ахсуинского района Азербайджанской Республики в грунтовом погребении, наряду с серебряной чашей, поставленной, кстати, перед лицом покойного, были обнаружены и различные образцы оружия: железная трехлопастная стрела, наконечник копья, нож, кинжал, меч и другие предметы. Азербайджанский ученый Ф.Османов в связи с этим отмечает, что «значительное количество оружия и богатый погребальный инвентарь

свидетельствует о высоком социальном положении погребённого, который скорее всего был военачальником или храбрым воином» [22, с.30].

В некоторых случаях надписи на чаше дают определенную информацию об усопшем более конкретно. Так, на обнаруженном в 1970 г. в 50 км от г. Алма-Аты (Казахстан) близ поселка Есик погребении, датируемого несколькими тысячелетиями до нашей эры, наряду с множеством других предметов была обнаружена серебряная чаша, на которой тюркскими рунами была выгравирована надпись, которая была прочитана исследователями следующим образом: «Сын хана умер в 23 года. Да будет здравствовать (по азерб. звучит «baş sağ olsun») народ Есик» [6, к. 1, с.41-42].

Чаша – это немаловажный элемент и тюркских погребальных статуй. На древнетюркских поминальных памятниках на территории Монголии обнаружены каменные изваяния мужских фигур, в том числе и воинов, которые в правой руке, либо обеими руками держат чашу (памятники Хонгиогийн Хох Хошуу, Дагда Хушот, Нарийн Хоолой, Булганский аймак, горы Хангая (VIII в.), поминальный памятник в урочище Ихе Асхет (VIII в.), каменные изваяния в Баян-Ульгийском аймаке (VIII-IX вв.), Архангайском аймаке (Их-Тамир-сомон, VIII в.), в урочище Нарийт (Хурумты, VIII в.), Дзабханском аймаке (урочище Яруу, VIII в.), Гоби-Алтайском аймаке (урочище Суминден, VIII в.), Убсунурском аймаке (Хиргиз сомон, VIII в.), и др.) [23, 18, 17]. Сама чаша на этих изображениях, как правило, небольших размеров. Так, например, именно такая чаша изображена на статуе мужчины со шлемом из погребального комплекса озера Худу-нур (VIII в.): он держит её за основание в правой руке, левая же опущена вдоль туловища. На Кошо-Цайдамских памятниках, недалеко от знаменитого памятника Кюль-тегину также имеется чаша в виде огромного гранитного куба, который, по мнению известного тюрколога Г.Кляшторного, не что иное, как жертвенник, в верхней части которого проделано углубление. Каменные изваяния скифского времени в Причерноморье также представляют интерес в этом отношении: на некоторых из них, наряду с предметами одежды и вооружения имеются также ритоны. Чаша – один из неперенных элементов каменных статуй в Великой Степи – половецких «каменных баб» - в стране тюрков Дешт-и-Кипчаке, нашедший отражение и на могильных камнях. Российский ученый Аджи Мурад в наборе из погребения кипчакского воина указывает и чашу [7, с.228]. Среди обнаруженных (возле сел. Степанцминда, ныне Казбеги, Грузия) в Терском ущелье комплекса бронзовых скульптур привлекает внимание «изображение прикованного мужчины крепкого сложения, стоящего чуть согнув колени. На голове у него надет шлем. Лицо обрамлено густой бородой. Мужчина опоясан широким поясом, на нем обувь с низкими голенищами. Правой рукой он поднес ко рту сосуд. Вокруг пояса мужчина обвязан толстой и прочной цепью, состоящей из двадцати восьми звеньев» [24, с.49].

После распространения ислама в Азербайджане тема чаши как определенного символа, тесно связанного с религией, как атрибута государственной власти не исчезла. Так, в средние века тема чаши нашла своё отражение и в произведениях великого Низами Гянджеви. Здесь чаша фигурирует именно в таком значении – это символ святости и атрибут права. Вот что он пишет в одном из своих произведений (в нашем переводе на русский с азербайджанского языка):

Ей, виночерпий, отгони сон от головы моей,
Я влюблен, наполни чашу чистым (правильным) вином,
чья вода как текущее серебро,
что все четыре мазхаба признали дозволенным. [5, с.243].

О чаше, как о предмете-атрибуте, принадлежащим великим персидским правителям древности: Фиридуну, Кейхосрову, Джемшиду и другим Низами пишет в ряде других бейтов. Например, он отмечает золотую чашу, оставленную на память Джемшидом и Фиридуном [5, с.410].

Таким образом, в этих и других бейтах Низами обозначает чашу во-первых, как символ святости, во-вторых, чаша кроме того, как бы символизирует судьбу не только самого человека, её владельца, но и судьбу государства, возглавляемого этим правителем, поэтому чаша – это символ и атрибут государственности и права. Чаша - неременный атрибут правителя, выражение его власти и содержанием чаши, коей является сама власть, по мысли Низами, должна быть истинная религия – ислам, которая признана всеми четырьмя мазхабами, т.е. фактически под чашей правителя у Низами понимается власть в государстве, основанная на исламе и которая должна быть управляема по законам шариата. Кроме того, есть и другой смысл в этом бейте, который можно раскрыть, комментируя высказывание мусульманского философа и поэта XV века Деде Омара Ровшани. В своей «Книге о бедности» Ровшани пишет, что те, кто испили чашу Господа, узнали тайну и её сохранили, идут по верной дороге Аллаха, т.е. он пишет о людях, которые на основе религиозных знаний, приобщились к великой Божественной тайне, им была дарована мудрость и они стали близкими к Аллаху [20, с.367]. И Низами, и спустя три века после него Ровшани пишут о чаше как об атрибуте человека, который на основе религиозных знаний, одобренных мазхабами (У Низами) стал близким к Богу. Чаша в произведениях средневековых авторов – это атрибут и символ избранного Богом человека, который пришел к этому на основе дарованных ему знаний и мудрости. Вот как отмечено об этом в Коране (в переводе В.Пороховой):

Он мудростью дарит того, кого захочет,-
И тот, кому дарована она,
Получит всеобъемлющие блага,
Но осознают это те,
Кто обладает разумением. 2:269

И видят те, кому даровано познание,
Что Господом открытое тебе
Есть Истина, ведущая на путь
Могучего и достославного Владыки. 34:6 [15, с. 64, 447].

Следует отметить, что в древнетюркских государствах первоначально беки, а в последующем и гамы считались именно людьми, наделенными тайными знаниями и мудростью. В древнетюркских традициях не каждый человек мог быть избран гамом, им мог быть лишь избранный свыше. Болгарский исследователь Мирча Элиаде пишет, что по воззрениям древних, Господь уведомлял будущего гама об избрании его и благословлении на этой стезе, когда тот спал, или же был в болезненном состоянии или в иных ситуациях [20, с.78].

Интересно также само содержание чаши – так называемое «клятвенное вино», которое пили участники церемониала. Очень показательно, что и сейчас у азербайджанцев «покаялся», «дал клятву» - называется «and içdi» и переводится не просто как «клятва», «обещать», но и как «выпил торжественное обещание, обет, клятву» [14, с. 19, с.123]. Кстати, термин «анда» у средневековых тюрков и монголов – означает побратима, который поклявшись, должен быть преданным своему собрату. В самом древнем монгольском источнике «Сокровенное сказание» (1240 г.) так сказано об этом: «...закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья, - как одна душа, никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности». В знак побратимства анды также обмениваются поясами [14, с.305-306].

В Музее истории Азербайджана хранятся так называемые «чаши покаяния и обета» - «товба габы» (азерб.) из частной коллекции Шахида Хабибуллаева [3, с.19]. Чаши из меди, размерами 13,5х27,5, 16х29,5, по форме напоминают тюркские аналоги как обнаруженные в ходе археологических раскопок, так и отраженные на статуях. Их не следует путать с суфий-

скими «кешкюлями» («висячая на руке чаша» - чаша подаяния) и шафаданами («миски сорока желаний» - для оккультных и магических ритуалов), кстати, также хранящимися в Музее истории Азербайджана [3, с.21, 23]. На чаше арабской вязью, по всей видимости, чеканены айяты из Корана. «Товба» - по арабски «покаяние, обет», в Коране имеется сура с таким названием. Тюркский обряд покаяния и обета, связанный с чашей, с приходом ислама трансформировался в исламский, и как видно, также некоторое время был связан с чашей. Так, «товба» по исламскому праву в ряде случаев применялся к виновному лицу. Суть его состояла в том, что за совершение ряда преступлений, в том числе и тяжких, виновный при полном раскаянии в совершенном преступлении и даче им клятвы именем Аллаха о несвершении подобного преступления впредь, получал либо полное прощение, либо предусмотренное наказание заменялось другим, гораздо более легким наказанием. Кстати, некоторые элементы товбы отражены и в ныне действующем азербайджанском уголовном законодательстве и, как представляется, являются непосредственным продолжением гуманистических начал в азербайджанских уголовно - правовых традициях. Так, в ст. 72 и 82 УК Азербайджанской Республики предусмотрено освобождение лица от уголовной ответственности в связи с его деятельным раскаянием в предусмотренных законом случаях.

Таким образом, чаша, первоначально как религиозно-правовой символ с созданием государства стал символом государственности и права, верховной власти, военной мощи государства и жречества и был общепринят в тюркском мире, но и не только у тюрков. Кроме того, чаша являлась неременным атрибутом правителей тюркских государств, в которых религия занимала важнейшее место как в древности, так и в средние века. В позднее средневековье при заключении международных договоров чашу, конечно, уже не использовали, но государственно-религиозный символизм её все ещё оставался в сознании людей, трансформировавшись в такой элемент исламской атрибутики как «товба габы» (азерб.), т.е. «чаши покаяния и обета».

Ключевые слова: чаша, государство, символ, право, история, традиция, скиф, древний, контракт

Использованная литература

1. Allahverdiyeva Ş. Dədə Ömər Rövşəni. // Dırçəliş. XX əsr. Azərbaycan Dövlət quruculuğu və beynəlxalq münasibətlər institutunun elmi nəşri. 110-111/2007, 360-369.
2. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. I cild. A-Z. A.Axundovun redaktəsi ilə. Bakı: Çıraq, 452 s.
3. Həbibullayev Ş. Şəxsi kollegiya. Bakı: 2012.
4. Kitabı-Dədə Qorqud. Azərbaycan ədəbiyyatı inciləri. Bakı: Yazıçı, 1987, s. 23-168.
5. Nizami. Lirikə. Sirlər xəzinəsi. Şərəfnamə. Tərtib edənlər: Xəlil Rza, Abdulla Şaiq. Bakı: Yazıçı, 1988, 629 s.
6. Yüzdək Rafiq. Türkün qızıl kitabı. 1, 2, 3 kitab. Bakı: Yazıçı, 1996, 144 s.; 1997, 236 s.; 1996, 244 s.
7. Аджи Мурад. Европа, тюрки, Великая Степь. М.: Мысль, 1998, 334 с.
8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Russian Orthodox Bible. United Bible Societies, 1991.
9. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.І, М-Л.: 1950, 380 с.; Т.ІІ, М-Л., 1950, 333 с.
10. Брентьес Бурхард. От Шанидара до Аккада. М.: Наука, 1976, 359 с.
11. Гасанов З. Царские скифы. Этноязыковая идентификация «Царских скифов» и древних огузов. New York: Liberty Publishing House, 2002, 486 с.
12. Геродот. История. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. / Т.1, выпуск 1-й, Санкт-Петербург: 1893, с. 4-57

13. Грантовский Э.А. О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья». Кавказ и Средняя Азия в древности и в средневековье. (История и культура). Под ред. Б.А. Литвинского. М.: 1981, с. 59-79
14. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1941, 199 с.
15. Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. Четвертое издание дополненное и переработанное. 1997, 797 с.
16. Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М.: НПО «Вектор СП», 1991, 396 с.
17. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. Отечественные исследования. Азиатика. С-Пб.: 2003, 560 с.
18. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. С-П.: Петербургское востоковедение, 2004, 368 с.
19. Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981, 168 с. с илл.
20. Мирча Элиаде. Шаманизм. Архаические техники экстаза. Пер. с англ. К.: София, 2000, 480 с.
21. Сагге Х. Вавилон и Ассирия. М.: Цетрполиграф, 2004, 234 с.
22. Халилов Д.А. Материальная культура Кавказской Албании. (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1985.
23. Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии. // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985, с.177-179.
24. Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М.: Наука, 1966, 327

Samir Məmmədov

QƏDİM TÜRK ƏNƏNƏLƏRİNDƏ DÖVLƏTÇİLİK VƏ HÜQUQ SİMVLİZMİNDƏ CAM

Xülasə

Məqalədə konkret tarixi faktlar, arxeoloji materiallar və epigrafiq məlumatlar əsasında qədim və orta əsr türk dövlətlərinin hüquq ənənələrində yer almış camın dövlətçilik rəmzi kimi təyinatı və mənası araşdırılır. Müəllif belə bir fərziyə irəli sürür ki, qədim türk məqbərələrində aşkar olunmuş müxtəlif əşyalar həm ayrı-ayrılıqda, həm də bütövlükdə müəyyən simvolik məna daşıyırdı. Belə ki, cam müqəddəslik, müdriklik, hakimiyyət və dövlət başçısının rəmzi olmuş, lakin ilk növbədə cam - Tanrı tərəfindən seçilmiş müdrik və bilikli insanın rəmzi olmuşdur.

Açar sözlər: cam, dövlət, rəmz, hüquq, tarix, ənənə, skif, qədim, müqavilə

Samir Mammadov

BOWL IN THE SYMBOLISM OF STATEHOOD AND LAW IN ANCIENT TRADITIONS

Summary

The assignment of a bowl as a symbol of state system and its meaning in law traditions of Turkish power in the middle ages are investigated in the article based on historical facts, archeological materials and epigraphic data. The author states that the various things found in ancient Turkish mausoleum had some symbolic meanings both separately and on the whole. So, the bowl became a symbol of holiness, wisdom, power and the head of state, but first of all the bowl became the symbol of the knowledgeable and wise person chosen by God.

Keywords: bowl, state, symbol, law, history, tradition, scythian, ancient, contact